

ФИЛОСОФИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

И. И. Замощанский

ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ И АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПОЗНАНИЯ, РАЦИОНАЛЬНОСТИ И СУБЪЕКТНОСТИ

Работа посвящена проблеме рационального мышления и субъектности. Эти феномены связываются автором с телесностью человека, в чем усматривается их особое онтологическое значение и роль в культуре. Человеческое тело рассматривается с антропологических и онтологических позиций, в сущностной взаимосвязи человека и мира, а различные типы рациональности раскрываются через обращение к фундаментальным истокам бытия. Подчеркивается особая важность социально-гуманитарного знания в условиях поглощения индивида социальной реальностью.

Традиционным способом объяснения специфики человеческого бытия, различий природного и культурного является фиксация внимания на разуме человека, его рефлексии, самосознании. Понимание субъекта как бестелесной сущности восходит к новоевропейской – по своей сути антропоцентрической – картине мира. В наши дни антропоцентрическое мышление стало общекультурным феноменом. Современному человеку привычно полагать себя центром мира. Такая позиция предполагает уникальность, аутентичность, автономность и независимость субъекта в принятии решений, мыслях, высказываниях, поведении. Параллельно этому нарастает волна критики самой идеи субъекта, а также основанной на ней научной рациональности. Далеко не всегда аргументы в пользу «смерти субъекта» и рациональности являются корректными. Чаще всего происходит неоправданное отождествление субъекта с его трактовкой в рамках новоевропейской философии (Трансцендентальное Эго, самосознание, разум). По той же логике оценивается и рациональность, которая сводится к науке, тогда как научная рациональность выступает лишь одним из типов рациональности.

Обычно становление и функционирование рациональности, основные способы концептуализации бытия описываются в терминах самого мышления. При этом упускается из вида существенный момент – бытийно-телесный контекст взаимодействия человека и мира через тело, порождающего целостный человеческий опыт, который и воплощается в определенных культурных формах, воспроизводясь в них из поколения в поколение. Как справедливо отмечает В. А. Круткин, «многочисленные исследования показывают, что именно тело выступает средством, позволяющим индивиду категоризовать пространство (физическое, социальное, феноменальное), служит основой для систем

счета и выступает средством коммуникации (речь, мимика, взгляд, поза), выступает прообразом для иерархии ценностей, позволяет занять позицию (смысловую), без которой не было бы сознания» [3, с. 223].

Мы полагаем, что человек – это принципиальная целостность, поэтому ни один из процессов, происходящих с ним, не может не затронуть каждой частички его существа. Следовательно, процесс познания, будучи одной из форм взаимодействия с миром, которая осуществляет понимание его сущностного единства в многообразии, с необходимостью зависит от целостного бытийно-телесного опыта человека. Данное положение следует понимать в том смысле, что наука (как один из типов рациональности), рациональное мышление, ориентация на познание и открытие тайн и законов, управляющих миром, не могли не соотноситься с деятельностью, историей, мировосприятием, мироощущением и самоощущением человека. А значит, рационализация мира, его теоретическое присвоение следует считать элементом базовой структуры человеческого способа бытия-в-мире.

Процесс рационализации и концептуализации бытия развертывается, с одной стороны, как неосознанное стремление человека к единству с миром, а с другой – как перманентное углубление «просвета» между человеком и миром. Углубление «промежутка» между человеком и миром осуществляется как процесс возрастания человеческой свободы, идущий вместе с процессами автономизации и индивидуализации человеческого бытия, его обособления в особый род сущего. А «свобода распоряжаться собственным телом является элементарной предпосылкой всех других свобод – искусства, мысли, любви» [4, с. 19].

Возникновение научной рациональности, методов экспериментального естествознания, математизация и формализация знаний о мире, теоретические проблемы, связанные с конструированием идеальных объектов, предполагают все большее углубление абстрактного (отвлеченного от вещей, не поверхностного) мышления. Замыкание на себе мировой перспективности, ощущение жизни, текущей вокруг человека как центра, способствовало образованию новых способов видения мира. «Деятельное», а не созерцающее (пассивное) тело (тип существования) располагает вещи вокруг человека. Теперь субъект занимает активную теоретическую и практическую позицию, а объект наделяется чертами пассивности и статичности.

Таким образом, абстрактное мышление, рационализация и идеализация бытия выступает средством против «головокружительной близости вещей» (М. Мерло-Понти). Борьба против непосредственной данности мира дает возможность его организации, осуществления контроля и прогнозируемости, вычислимости возможных событий. Абстрагируясь, отвлекаясь от непосредственности бытия-в-мире, человек получает возможность выступать субъектом,

осуществлять свои планы и проекты, активно воздействовать на окружающую его действительность.

С другой стороны, особую актуальность обретают социально-философские исследования феномена телесности. Данное направление восходит к работам К. Маркса, согласно которому телесность, предметность выступает носителем социальных связей, а также опредмеченной сущностью человека. Тело человека пронизано социальной энергией, которая воплощается в предметно-преобразующей деятельности. В развитие марксистской концепции отечественная мысль отметила, что человеческое тело производно от вещного, социального, чувственного мира. «Поскольку человек может придавать вещам и обнаруживать в них сверхчувственные качества, он, судя по всему, должен содержать их в себе, быть способным их сохранять, модифицировать и обновлять» [1, с. 46]. Более того, человек, будучи встроенным, укорененным в социальной структуре общества, всецело поглощается тотальной властью социальной над телом. Эта мысль широко представлена в различных вариантах современной западной философии, где связны воедино знание, власть, телесность и общество (М. Фуко).

Считаем важным подчеркнуть особую значимость рациональности в современной динамике социальных взаимодействий. В традиционной культуре человек взаимодействовал с природой, а потому формы мышления, деятельности, логика построения картин мира зависели от этого взаимодействия, отличающегося естественностью. В различных формах мышления и деятельности человека воспроизводился природный, телесный, бытийный ритм, лежащий в основании всего существующего. Традиционная культура в своей сущности консервативна, что зависело не столько от человека. Определенные способы деятельности выступали оттиском природного, естественного ритма существования.

В современной ситуации человек уже не общается, не взаимодействует с природой. Теперь внешней реальностью для него выступает общество. Социальность проявляет себя во всех сторонах жизнедеятельности индивида. Общество выступает горизонтом «жизненного мира» индивида. Это проявляется еще до осознания человеком самого себя и восприятия им мира как «окружающего». Природный ритм жизни человека сменяется ритмом жизни общества. Как мы видим, этот ритм постоянно убыстряется, варьируется, что непосредственно связано с дестабилизацией существования человека, проблематичностью того, что известный философ М. К. Мамардашвили называл «философской паузой». Возможность осмысления того, что происходит вне и внутри человека, неминуемо блокируется интенсивностью социальной жизни. Со стороны внешнего, социального мира постоянно воспроизводится настоятельное требование «активной жизненной позиции» субъекта. Движение, активность

становятся самоцелью. Этому сопутствует увеличение, дифференциация потребностей, тогда как в рамках традиционной культуры движение, активность были связаны с мерой несовершенства: чем больше нечто движется, тем больше ему недостает, тем менее оно совершенно. Отсюда созерцательная (пассивная) позиция познающего по отношению к познаваемой реальности, а также стремление к ограничению телесных потребностей (аскетизм, умеренность, воздержание). Потребности, желания человека растворяют его в действительности, привязывают к логике вещей и различным обстоятельствам. Подчинение человеческой жизни логике вещей приводит к конформизму, отчуждению, кризису идентичности.

Таким образом, в современной культуре время – это, прежде всего, социальное время, которое вместо природы задает ритм жизнедеятельности человека. Более того, не только время, но пространство жизнедеятельности человека выступает теперь всецело социальным пространством, в которое телесно включен человек. Именно поэтому в современной социально-философской литературе говорится о необходимости анализа не логики вещей (их положения и обстоятельств, их порождающих), что было характерно для науки и философии до XX в., а логики бытия людей.

Рассматривая связь телесности с развитием способов теоретизации и концептуализации бытия, формированием субъектности, мы опирались на классификацию типов рациональности, предложенную В. И. Кашперским. Им выделяется три культурно-исторических типа рациональности: античная, религиозно-христианская, научная [2, с. 163]. Но автор заявляет и о четвертом типе, **онтоантропологическом**, который еще только предстоит выработать, хотя его основные контуры видны и сейчас. «Для него характерны существенное смягчение требования универсальности и сознательное ведение в знания антропологических характеристик, но рассматриваемых не в качестве субъективных, а как неэлиминируемая и вполне объективная смысловая, ценностная часть науки будущего» [2, с. 163]. Как мы полагаем, телесность в таком подходе должна играть существенную роль, так как является одновременно и онтологической, и антропологической характеристикой не только знаний, ценностей и смыслов, но и всего человеческого бытия. Именно в человеческой телесности размещается точка соединения антропологических и онтологических (онтоантропологических) измерений, в чем мы видим самое достоверное основание оценок человеческих действий в качестве действительно разумных (рациональных), морально-нравственных, ответственных и т. д.

Сегодня происходит переструктурирование науки. Первостепенное значение приобретают социально-гуманитарные исследования, поскольку появилась необходимость обоснования инвариантности и объективной значимости

традиционных ценностей и смыслов (субъектность, рациональность, индивидуальность, автономность, деятельность, труд, творчество и т. д.). Такой вывод очень важен в условиях тех процессов, которые происходят в сфере образования. Образование теперь – один из социальных институтов, который призван воспроизводить определенный тип человека. Но современные изменения свидетельствуют о дегуманизации и деантропологизации знания. Тотальное применение компьютерных технологий, подмена непосредственного телесно-духовного общения преподавателя со студентами электронным вариантом коммуникации, сведение контроля знаний к тестированию приводят к утере осмысленности самого учебного процесса. Общение и диалог, телесный контакт выступает средством «образования» человека, где основным элементом является личный пример преподавателя, то есть не только то, что он говорит, но и культура поведения, способ языкового конструирования, которые, в свою очередь, производны от духовности (осмысленности) и объективной значимости передаваемого знания.

Литература

1. Емельянов Б. В., Кемеров В. Е., Коновалова Н. П. Восток и Запад: динамика диалога. – Екатеринбург, 2003.
2. Кашперский В. И. Антропология знаний: ценности и смысл // Кашперский В. И. Философия как призвание (работы разных лет). – Екатеринбург, 2006.
3. Круткин В. А. Телесный символизм «древнего благочестия» и проблема отчуждения // Философская жизнь Урала. Альманах. – Екатеринбург, 1999.
4. Лист Э. Наступит ли «эпоха нового тела»? // Вестник высшей школы. – 2002. – № 6.
5. Розин В. М. Любовь и сексуальность в культуре, семье и взглядах на половое воспитание: учебное пособие для вузов. – М., 1999.

А. М. Конашкова

ГУМАНИТАРНАЯ ПАРАДИГМА В НАУКЕ И ОБРАЗОВАНИИ: ИСТОКИ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ

В философской и научной литературе последних десятилетий предметом исследования становятся фундаментальные идеи и представления, образующие устойчивое основание, на котором развивается система научных знаний. Гуманитарная парадигма, сформировавшая облик современной науки, соединила классические критерии истинности и достоверности знания с новыми парадигмами и моделями теоретического мышления. Проблема гуманитаризации знания актуальна в естественных науках